

СТРУКТУРА РУКОПИСНЫХ СЛОВАРЕЙ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Л. М. Ившин

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УрО РАН)*

Поступила в редакцию 27 июля 2012 г.

Аннотация: первые словари удмуртского языка были составлены на основе русских словников и являлись тематическими. Первый алфавитный словарь в рукописи был подготовлен священником З. Кротовым в 1785 г. Удмуртские слова в словарях главным образом были даны в основной форме, за исключением глаголов, приводимых в 1-м лице единственного числа настоящего времени. Лексикографы-практики того времени были знакомы с омонимией, синонимией, полисемией языка и уже пытались отмечать эти явления в словарных статьях. В рукописных лексикографических памятниках удмуртского языка непосредственно приводились и пометы при словах, в основном грамматического и терминологического характера.

Ключевые слова: лексикография, памятники удмуртской письменности, словарная статья, структура, удмуртский язык.

Abstract: the first dictionaries of the Udmurt language were compiled on the basis of Russian word-lists and they were subject dictionaries. The first alphabetic manuscript dictionary was compiled by priest Z. Krotov in 1785. Generally the Udmurt words were given there in the basic form except the verbs in the first person, singular and in the present tense. Lexicographer-practitioners of that period tried to mark in the dictionary entries such language phenomena as homonymy, synonymy and polysemy. There are could be find some grammatical and terminological labels in manuscript lexicographic dictionaries of the Udmurt language.

Key words: lexicography, Udmurt written language monuments, dictionary entry, structure, the Udmurt language.

Архивные данные по удмуртскому, да и по всем финно-угорским языкам в целом, представляют огромную научную ценность для исследователей истории языка. Рукописные лексикографические работы рассматриваемого периода – как небольшие, так и довольно объемные словари, входным языком которых является русский или удмуртский. В некоторых из них указываются составители и даются сведения, на каком диалекте и из каких областей (уездов) и населенных пунктов собран тот или иной лексический материал по удмуртскому языку.

В силу разных обстоятельств рукописные словари удмуртского языка, особенно созданные в XIX в., в течение долгого времени оставались и остаются неизданными, о существовании некоторых из них в научной литературе имеются лишь отрывочные сведения. Хотя ученые-языковеды в течение последнего столетия время от времени обращались к ним и в

какой-то мере вовлекали материалы в научный оборот, анализ рукописей оставался и остается весьма поверхностным (см., например: [1, с. 330–336; 2, с. 302; 3, с. 61]). Во многих случаях названия рукописных лексикографических работ приводились лишь для констатации факта об их существовании. В исследовании мы подробно остановимся на анализе структурных особенностей трех наиболее крупных лексикографических работ, составленных в конце XVIII – первой трети XIX столетий: удмуртско-русском словаре З. Кротова, удмуртско-русском словаре 1816 г. и русско-удмуртском словаре 1820 г.

Прежде чем анализировать отмеченные труды, хотелось вкратце остановиться на их предшественниках – разного рода глоссариях. Первые словари, а если выразиться точнее, списки удмуртских слов, были тематическими, они появились в первой трети XVIII столетия, в первую очередь, в связи с политикой культурного развития страны: намерением изучать окраинные территории России, народы, их быт и языки. В истории науки XVIII в. иногда называют «веком великих экспедиций» [4, с. 82]. Ни в одной стране ни тогда, ни в другое время научные экспедиции не достигали такого огромного размаха, как в

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту № 12-П-6-1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы исследования».

© Ившин Л. М., 2013

России. По не совсем полным подсчетам, за это столетие число масштабных экспедиций достигает внушительной цифры – 50. Участникам экспедиций, помимо прочего, предписывалось не только изучение быта, обычаев, истории и т.д. народов России, но и сбор материала об их языке.

По последним данным, наиболее ранние памятники письменности на удмуртском языке датируются 1726 г. [5, с. 57; 6, с. 19; 7, с. 153; 8, с. 147–148]. Первый рукописный словарь, содержащий более 350 удмуртских слов, написанных на основе латинской графической системы, принадлежит перу данцигского врача Д. Г. Мессершмидта – первого ученого-путешественника по Сибири. В 1719 г. для изучения страны, ее природных ресурсов, истории и этнографии он был направлен в Сибирь и в течение семилетнего путешествия (1720–1726 гг.) собрал богатые материалы различного характера по народам Поволжья и Сибири, в том числе по удмуртскому языку.

В 1733 г. была организована Камчатская экспедиция, среди участников которой были крупные ученые того времени Г. Ф. Миллер и Й. Э. Фишер. В рукописной работе первого под названием «Собрание речей вотяцкого языка» содержится 303 слова, собранных из диалектов удмуртов Казанской губернии [2, с. 31]. Й. Э. Фишер также зафиксировал около 295 удмуртских слов, однако материалы его рукописи увидели свет лишь в конце XX столетия в исследованиях венгерских финно-угроведов Ш. Чуча [9, с. 311–320; 10, с. 63–80] и Я. Гуи [11].

В 1780-е гг. по заданию императрицы Екатерины II П.-С. Паллас занимался собиранием и обработкой лексических материалов по различным языкам, в их числе по удмуртскому. В крупнейшем лингвистическом труде той эпохи «Сравнительные словари всех языков и наречий...» [12], включающем 273 понятия на двухстах языках Азии и Европы, под номером 65 содержатся и удмуртские слова. Известно, что главным редактором первого издания словаря был П.-С. Паллас [13, с. 429]. Составление этого лексикографического труда получило характер государственного предприятия, и не случайно его образец был разослан во все административные и епархиальные центры России. Как отмечает Т. И. Тепляшина, рукописи словника П.-С. Палласа в нескольких вариантах сохранились в архиве Кировской области и Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге, но они «настолько близкие по составу и характеру истолкования, что их можно считать различными списками одного и того же словарного текста» [2, с. 78].

Создание других рукописных словарей было связано с укреплением и развитием христианской религии и христианской культуры среди нерусского населения России. К таким памятникам относятся

удмуртско-русский словарь З. Кротова 1785 г. («Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ»), удмуртско-русский словарь 1816 года («Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 г. С примечаниями профессора Цеплина в Казани») и русско-удмуртский словарь 1820 года («Словарь языка вотского»). Как видим, в названиях первого и второго словарей указаны фамилии составителей и населенные пункты, где был собран лексический материал по удмуртскому языку, чего нельзя сказать о третьем.

Появление некоторых рукописных лексикографических работ можно объяснить увлеченностью некоторых грамотных людей того времени. К словарям такого рода относится, например, многоязычный «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1833 г., составленный служащим Ф. А. Волеговым. Материалы этого словаря и выписка самого Ф. А. Волегова были опубликованы с частичным сохранением орфографии рукописи чувашским языковедом А. А. Алексеевым [14, с. 137–145]. Из выписки мы узнаем, что свой словарь Ф. В. Волегов собирал, проезжая по Вятскому и Казанскому тракту, чтобы сравнить чувашские, удмуртские, коми-пермяцкие и коми-зырянские слова и убедиться в их схожести.

1. Принципы составления словарей

Рукописная удмуртская лексикография XVIII – первой половины XIX в. была только в самом начале развития, строилась и развивалась по традициям русской лексикографии: тематической (ономасиологической или понятийно-семантической) и алфавитной (семасиологической).

Основой тематической лексикографии был готовый русский словник, который ориентировался на отображение живого разговорного языка и преследовал, прежде всего, практические цели. К таким словарям можно отнести почти все русско-удмуртские глоссарии, составленные в течение XVIII в., а также списки слов, включенные в грамматику под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» и удмуртско-русский словарь 1816 г. Тематический принцип построения превращал их в так называемые словари-разговорники. В них выделяются следующие тематические группы слов, хотя иногда они не имеют оглавлений: названия бога, природных явлений, родственных отношений, частей человеческого тела, внутренних органов, инструментов, домашней утвари, металлов, продуктов питания, растений, деревьев, ягод, плодов, птиц (диких и домашних), животных и др.

Первый алфавитный словарь под названием «Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» был составлен в 1785 г. Здесь слова располагаются по алфавиту, причем алфавитному расположению подвергнуты не только начальные, но и последующие буквы удмуртских лексем. Стоит обратить внимание на то, что заглавные слова с примерами и производными словами не объединены в одном гнезде, а даются в разных словарных статьях, например: *джодзь* [ʒog] 'вдруг, скоро весьма, скорый, скорость, поспѣшный'; *джодзь гинѣ* [ʒog gine] 'вскорѣ, въмигъ, въмахъ, поспешно'; *джогъ вуиско* [ʒog vuisko] 'предъускоряю'; *джогъ вуемъ* [ʒog vuem] 'предъускорение'; *джогъ вуисъ* [ʒog vuis] 'предъускоритель' [15, с. 47–48]. Это можно объяснить, как нам кажется, тем, что составители хотели разграничить переводы, так как они в данном случае являются совершенно разными словами.

В словарях, входным языком которых является русский, данная особенность также наблюдается. Так, в русско-вотском (=русско-удмуртском) словаре 1820 г. каждое слово или словосочетание составляет отдельную словарную статью.

2. Построение словарной статьи

Рукописные памятники удмуртского языка, как правило, включают в свой реестр наиболее стабильную, традиционную часть словарного богатства языка. В них можно обнаружить все части речи удмуртского языка. Каждый словарь отличается разнообразием и своеобразием в самом отборе лексических средств. Удмуртские слова главным образом даны в основной форме, за исключением глаголов, приводимых в 1-м лице единственного числа настоящего времени. Это относится как к удмуртско-русским словарям, так и тем, входным языком которых является другой, в нашем случае, русский язык.

Имена существительные в словарях занимают доминирующее место. Они даны в форме номинатива, а рядом через запятую приводится показатель генитива.

В некоторых словарях реестровые слова даются как синонимичные определения (обычно не более двух), например: *ай* или *атай* [aj, ataj] 'отец, родитель'; *спай* или *цеберъ* [spaj, čeber] 'великолѣпно, великолѣпіе' [15, с. 4, 203]; *косысь* или *возматысь* [kosis', voz'mat'is'] 'указчикъ'; *неръ* или *шучіо* [n'er, šuč'o] 'пруть, лоза'; *вайобъжъ*, *вожопоскй* [vajobjž, vo'žopos'ki] 'ласточка'; *пурись*, *пурокмемъ* [puris', puroktem] 'седый' [16, с. 3, 18, 20, 34]; *ведынъ* или *пеллясь* [vedin, pel'las'] 'волшебникъ'; *му* или *цеце* [mu, čece] 'медь'; *зуректэмъ* или *тернамъ* [zurektem,

ternam] 'обрузглый' [17, с. 7, 26, 31]. Эти слова являются диалектными вариантами регионально-этнографического характера.

Авторы рукописей, возможно, были знакомы с явлением омонимии. Однако выделение их в связи с неразработанностью явления омонимии в то время производится непоследовательно. В большинстве случаев омонимы даются в составе одной словарной статьи: *ветлонъ* [vetlon] 'ѣзда, проѣзжаніе, хожденіе'; *кэй* [kej ~ keŋ] 'моль, сало'; *пель* [pel'] 'ухо, черень, ручка'; *сепъ* [sep] 'желчь, вдовецъ, вдова'; *ты* [ti] 'озеро, легкое'; *уватонъ* [uaton] 'похороны, погребеніе, укрываніе, утаеніе' [15, с. 24, 117, 166, 208, 225, 234]; *изьянь* [izjan] 'нечастіе, убытокъ'; *шонэръ* [šon'er] 'праведный, прямой' [16, с. 3, 36]; *тыбыресь* [tibires] 'горбунъ, горбъ'; *пұсь* [pus] 'метка, примѣта' [17, с. 12, 27]. Иногда они правильно выделены и оформлены в отдельные реестровые слова, например: *ку* [ku] 'шелуха, кожа'; *ку* [ku] 'когда'; *кутъ* [kut] 'муха', *кутъ* [kut] 'лапотъ'; *мый* [mi:j] 'бобръ', *мый* [mi:j] 'въ лѣтахъ'; *шеръ* [šer] 'брусь, осіолка', *шеръ* [šer] 'рѣдко, рѣдкій, нечасто, несчастый' [15, с. 97, 105, 140, 162].

Н. И. Фельдман вполне справедливо отметил, что омонимы, как и всякие другие слова, должны быть даны отдельной словарной статьей. Если это отсутствует, то человек, пользующийся словарем, вправе заключить, что такого отдельного слова не существует [18, с. 28]. Заслуга составителей рукописей заключается в том, что ими была предпринята попытка выделения омонимов в отдельные самостоятельные слова.

Особый интерес представляет включение в главную единицу этнонимов. В рукописных трудах встречаются следующие этнонимы: *бугеръ* [biger] 'татаринъ', *дзюць* [žuč] 'русскій' [15, с. 12, 53]; *бидеръ* [bid'er] 'татаринъ' [17, с. 43], т.е. названия тех народов, которые жили по соседству с удмуртами.

Отдельные словарные статьи рассматриваемых лексикографических работ отличаются неполнотой сведений. Особенно это касается подачи многозначных слов. Однако нельзя сказать, что полисемия слов вообще не учитывалась. О выделении полисемии как одного из способов обогащения словарного состава языка свидетельствуют следующие слова: *бизискд* [biz'is'ko] 'замужъ выхожу, посягаю, втекаю'; *тырыскд* 'плачу, складываю, прикладываю, заплачиваю, укладываю, набиваю, награждаю, нагружаю' [15, с. 12, 227]; *банъ* [ban ~ baŋ] 'щека, лице'; *бадзикъгыркъ* [bažžit girk] 'оврагъ, пещера' [16, с. 8, 12]. Однако большинство многозначных слов в рукописных словарях дано только в своих основных значениях и содержание их осталось не полностью раскрытым.

3. Иллюстрации к значениям

В словарях всегда придается большое значение иллюстрациям. В начале зарождения удмуртской лексикографии информация о реестровом входном слове была весьма скудной, так как в качестве иллюстрации приводились в основном одиночные слова или в некоторых случаях очень редко словосочетания. Например: *душесь* [dušes] 'коршунъ', *зу* [zu] 'щетина', *каръ* [kar] 'городъ'; *квинмó юкыскёмъ* [kvin'mo jukis'kem] 'на трое раздѣленный', *небытъ ку* [n'ebit ku] 'кожа мягкая' [15, с. 56, 64, 76, 81, 145]; *ибылысконъ узвесъ* [ibylis'kon uzves] 'свинецъ'; *седъ сутёръ* [s'ed ~ s'ed suter] 'смородина'; *пызь* [piz] 'мука'; *млобурдо кутысь* [tloburdo kutis] 'птичник' [16, с. 10, 14, 16, 32]. Среди словосочетаний наиболее часто встречаются такие модели, как: существительное + существительное (в большинстве случаев), прилагательное + существительное и наречие + существительное. С развитием национально-русской лексикографии повышается и интерес к иллюстрированию. Не случайно исследователи подчеркивают, что «именно примеры и только примеры позволяют читателю составить точное представление о конкретном значении слова...» [19, с. 182]. К сожалению, в удмуртской рукописной лексикографии XVIII – первой половины XIX в. иллюстративным материалом служили только те словосочетания, которые сочиняли сами составители. Причиной этому была, возможно, нехватка опыта составления словарей, а также отсутствие литературных и научных изданий на удмуртском языке.

Стремясь к количественной полноте охвата словарного состава удмуртского языка, некоторые составители чрезмерно увлекались вводом в рукописи словарных статей-словосочетаний. Например, в словаре З. Кротова с лексемой *уродъ* [urod] 'уродъ, худо, худой, подлый, подло' дано 24 сочетания, типа *уродъ кылъ* [urod ki] 'безславие', *уродъ малтамъ* [urod mal'tam] 'вражда' *уродъ ше* [urod še] 'знакъ худой' [15, с. 242, 243] и др., на слово *покуй* [pokui] 'маленький' – 18, на *буръ* [bur] 'плодовитый, прибыльный, благополучный' – 17 словосочетаний и сложных образований. Необходимость использования словосочетаний для более полного раскрытия содержания слова указывается в работах и современных лексикографов [20, с. 183].

4. Пометы

В современной лексикографии при слове широко используются различного рода пометы, которые дают дополнительные сведения о представленной лексеме. При анализе удмуртской рукописной лексикографии указанного периода мы сталкиваемся с одним их типом: грамматическими или информативными пометами. Необходимо указать на то, что в рукописях,

составленных по тематическому принципу, а также в тех, входным языком которых является русский язык, эти пометы отсутствуют. Они характерны только для лексикографических работ, построенных на алфавитном принципе, входным языком которых является удмуртский язык.

Из грамматических помет обычно указаны принадлежность к той или иной части речи (наречие, союз, предлог (точнее: послелог. – Л. И.), междометие), например: *кызи* [ki'zi] 'нарѣчие какъ'; *но* [no] 'союзъ и'; *озя* [oz'a] 'междометіе такъ ли'; *пучкысь* [pučkijs] 'предлогъ изъ' [15, с. 107, 141, 156, 184].

После глаголов, приводимых в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени, указывается тип спряжения. Подобная подача слов этой части речи вполне объяснима: в удмуртском языке существует два вида спряжения, а по форме инфинитива нельзя узнать, к какому из типов спряжения относится глагол. Например: *исакко* [isas'ko] 'первое спряжение раздражаю, раздраживаю, огорчаю', *кудылыско* [ku'dylis'ko] 'первое спряжение пьянь бываю, пьянствую' [15, с. 69, 97]. Подобное выделение спряжений удмуртских глаголов было отмечено еще в первой печатной грамматике удмуртского языка [21], а в рукописном словаре З. Кротова, как видим, оно традиционно повторилось. В современном же удмуртском литературном языке, наоборот, к первому спряжению относятся глаголы на *-ыны*, ко второму – на *-аны*.

Имена существительные, как уже отмечено выше, обозначены показателем родительного падежа *-лэнъ*, приводимым после запятой вслед за реестровым словом: *кудо, лэнъ* [kudo] 'свать'; *ношленци, лэнъ* [noš'lenči] 'носилки'; *шукысь, лэнъ* [šukis] 'память, также обычай' [15, с. 97, 148, 269].

Нередко встречаются пояснения, которые, как нам кажется, помогают понять терминологическое направление языка перевода-эквивалента, например: *намёръ* [namer] 'княжника ягода'; *сирпу* [sirpu] 'вязь дерево'; *цябакъ* [čabak] 'шаклея рыба'; *чушьяль* [čušjal] 'jóжъ звѣрь'; *шуйи* [šuij] 'филь птица' и др. [15, с. 144, 200, 253, 260, 271].

Таким образом, первые словари удмуртского языка были составлены в течение XVIII в. на основе русских словников и являлись тематическими. Первый алфавитный словарь под названием «Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» был подготовлен в рукописи в 1785 г. Удмуртские слова в словарях главным образом были даны в основной форме, за исключением глаголов, приводимых в 1-м лице единственного числа настоящего времени. Уже в то далекое время лексикографами-практиками в той или иной степени верно были оформлены сло-

варные статьи, представляющие собой омонимы или синонимы, учитывалась полисемия удмуртских слов. В рукописных лексикографических памятниках непоследовательно приводились и пометы при словах, в основном грамматического и терминологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тараканов И. В.* О старинных рукописных словарях удмуртского языка / И. В. Тараканов // Исследования и размышления об удмуртском языке : сб. статей : пособие для высш. учеб. заведений. – Ижевск : Удмуртия, 1998. – С. 330–338.
2. *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина, АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1965. – Вып. 1. – 324 с.
3. *Тепляшина Т. И.* О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка / Т. И. Тепляшина // Сов. финно-угроведение. – 1965. – № 1. – С. 60–61.
4. *Токарев С. А.* История русской этнографии : до-октябрьский период / С. А. Токарев, АН СССР. Ин-т этнографии ; отв. ред. Э. В. Померанцева. – М., 1966. – 456 с.
5. *Ившин Л. М.* Язык лингвистических материалов Д. Г. Мессершмидта / Л. М. Ившин // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня написания рукопис. грам. пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка 28–29 февраля 2008 г., Пермь / гл. ред. А. С. Лобанова ; отв. ред. О. А. Попова. – Пермь, 2008. – С. 57–64.
6. *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века / Л. М. Ившин. – Екатеринбург ; Ижевск : УрО РАН, 2010. – 236 с. : вкл.
7. *Напольских В. В.* Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) / В. В. Напольских // Арт. – 1998. – № 4. – С. 146–156.
8. *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири / М. Г. Новлянская, АН СССР. Ин-т этнографии. – Л., 1970. – 184 с.
9. *Csucs S.* Egy 18. szazadi votjak nyelvmemlek / S. Csucs // NyK. – 1983. – № 2 (85). – 311–320 old.
10. *Csucs S.* A votjak nyelv a 18. szazadban / S. Csucs // NyK. – 1984. – № 1 (86). – 63–80 old.
11. *Gulya J.* Vocabularium Sibiricum : (1747) ; der etymologisch-vergleichende Anteil / Johann Eberhard Fischer. Bearb. und hrsg. von Janos Gulya / J. Gulya. – Frankfurt a/M ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Land, 1995 (= Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia. – Bd 7). – 252 S.
12. *Паллас П.-С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы / П.-С. Паллас. – СПб. – Т. 1. 1787 ; Т. 2. 1789.
13. *Грот Я.* Филологические занятия Екатерины II / Я. Грот // Рус. архив. – 1877. – № 4. – С. 425–442.
14. *Алексеев А. А.* Ф. А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 г. / А. А. Алексеев // Вопросы истории и грамматики чувашского языка / НИИ языка, лит., истории и экон. – Чебоксары, 1977. – С. 133–145.
15. *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / З. Кротов, РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). – XX + 208 с. – (Памятники культуры Удмуртии : лингвистическое наследие : памятники удмуртской филологии I).
16. Словарь языка вотяков, собранный священником Степаном Сидоровым в Вотяцкой деревне Елова в Вятской губернии. В октябре 1816 г. С примечаниями профессора Цеплина в Казани // Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск. – Ф. РФ. – Оп. 2-Н. – Ед. хр. 659. – 38 с.
17. Словарь языка вотского // Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск. – Ф. РФ. – Оп. 2-Н. – Ед. хр. 624. – 48 с.
18. *Фельдман Н. И.* Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях / Н. И. Фельдман // Лексикографический сборник. – 1957. – Вып. 1. – С. 9–35.
19. *Богатова Г. А.* История слова как объект русской исторической лексикографии / Г. А. Богатова, АН СССР. Ин-т языкозн. – М. : Наука, 1984. – 256 с.
20. *Тер-Минасова С. Ш.* Проблема лексической сочетаемости в двуязычных учебных словарях / С. Ш. Тер-Минасова // Всесоюзная конференция. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. – М. : Рус. язык, 1988. – С. 183–184.
21. Сочинения принадлежащія къ грамматикт вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. – Ижевск : Удмуртия, 1975.

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Ившин Л. М., кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Тел.: (3412) 68-78-70, 8-950-815-62-01

Udmurt Institute for History, Language and Literature

Ivshin L. M., Candidate of Philology, Research Worker

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Tel.: (3412) 68-78-70, 87-950-815-62-01